

ЗИНАИДА ГИППИУС

ЛИЛИТ

Зинаида Николаевна Гиппиус

Лилит

Аннотация

«Длинная, длинная лестница. Может быть, потому такая длинная, что Неволин идет медленно-медленно. Он боится. Он не знает, чего боится, не думает, ни о чем не спрашивает себя. Он боится потому, что идет к женщине, которую любит, искренно и давно. Он долго не видал ее, она была больна и не позволяла ему прийти к ней. Елена Николаевна жила одна, с молчаливой старой теткой. Юная и веселая, свободная (она овдовела двадцати лет), Елена Николаевна умела быть такой ровной и такой неуловимой со своими влюбленными, что они все держали себя почтительно и осторожно, никогда не зная, как она к ним относится. Неволин, впрочем, не ухаживал за ней: он ее просто полюбил...»

Содержание

I	4
II	8
III	11
IV	14

Зинаида Гиппиус

Лилит *Апокриф*

I

Длинная, длинная лестница. Может быть, потому такая длинная, что Неволин идет медленно-медленно. Он боится. Он не знает, чего боится, не думает, ни о чем не спрашивает себя. Он боится потому, что идет к женщине, которую любит, искренно и давно. Он долго не видал ее, она была больна и не позволяла ему прийти к ней. Елена Николаевна жила одна, с молчаливой старой теткой. Юная и веселая, свободная (она овдовела двадцати лет), Елена Николаевна умела быть такой ровной и такой неуловимой со своими влюбленными, что они все держали себя почтительно и осторожно, никогда не зная, как она к ним относится. Неволин, впрочем, не ухаживал за ней: он ее просто полюбил. И когда любовь вставала в душе, яркая и всезаслоняющая – он говорил о ней. Почему Елена никогда не отвечала ему «нет» или «да?». Она слушает – значит, любит... Любит? Он поднимал на нее глаза, и сразу умолкал. Любовь отступала вглубь души, а оттуда подымался необъяснимый и тупой страх, для которого у

него не было ни слов, ни сил.

Тот же бессловесный страх, душный, темный, покрывал его и теперь. Он даже не боялся решительного «нет»; он боялся ее – и своего странного страха.

Длинная лестница кончена. Неволин перед дверью. Надо же войти!

Вот и знакомая комната, вся в солнце. Цветы, цветы... Знакомый, немного душный, как от меха, пыльный и теплый запах духов... Елена приподнялась с кушетки и, улыбаясь, протянула Неволину узкую розовую руку. Пушистые черные волосы чуть краснели на солнце. Она щурила глаза; похудевшее личико казалось юным-юным; она была похожа на девочку.

– Садитесь. Я рада вам. Что? Мое здоровье? Лучше, лучше, почти совсем здорова.

Она все улыбалась, щуря глаза от солнца. Неволин сел рядом и глядел на прищуренные глаза, на длинное белое платье и на уютно спящую в его складках любимую черную кошечку Елены – Лоло. Пушистая черная шерсть Лоло чуть краснела, пронизанная солнечным лучом.

Они говорили: она шутливо, он – сдержанно. Он сказал, что измучился за время ее болезни. Он так любит ее... Разве она забыла, что он любит?

Елена Николаевна отвернулась и рассмеялась тихонько.

Так она забыла? Он ей напомнит. Он ей скажет опять и опять то же самое, опять будет молить ответа – все равно ка-

кого, – но ответа на самое для него важное, самое главное...

Елена щурилась и улыбалась.

– Ответа? Вы знаете... Я ничего не знаю. И люблю – да... И не люблю – нет... Может быть, да... Может быть, нет... Самое важное для вас, говорите вы?

Неволин поднял на нее глаза (то, что он говорил – была правда, а когда человек говорит другому правду – он опускает глаза) – и вдруг прежний, душный страх сжал его сердце, как никогда раньше. И внезапно стал ярким, осветившись мыслью. Он глядел на прищуренные глаза, пушистые волосы – и не верил себе.

– Может быть – да... Может быть – нет... Какой вы милый, какой вы искренний! Я верю... Может быть, да, может быть, нет...

Лоло проснулась, лениво поднялась, выгибая спинку. Пушистая черная шерсть алела на солнце. Лоло прищурила глаза и замурыкала.

«Вот оно, вот оно! – кричала душа Неволина. – Может быть, да... Кто это сказал? Да ведь она, Елена... разве она человек? Она – кошка, такая же, как Лоло, совсем, точь-в-точь, только большая, белая, с пушистой черной головой... Я люблю – кошку».

Он порывисто встал.

– Какое безумие! – сказал он точно про себя. Елена Николаевна перестала улыбаться.

– Что вы? Что с вами?

– Ничего... Так. Я, кажется, с ума схожу немного.

– Ну, что. Не волнуйтесь. Поболтаем о другом. Ведь я еще не оправилась.

Она заговорила о чем-то весело, но Неволин едва отвечал.

«Кошка-женщина... Женщина-кошка... – думал он бес-
связно. – Какая чепуха! И старо. Где-то я читал про это...
Сто раз читал. Что похожа на кошку... Да какой там похожа!

Она сама – кошка. Две кошки. И я обеих боюсь. Одну из
них люблю... любил... Люблю? Да разве может человек лю-
бить душу зверя?»

Лоло мягко спрыгнула на ковер, потянулась, расширяя
лапки, и поочередно, с тихим треском, отдирала их от тол-
стой ткани.

«Наваждение, – подумал Неволин, отворачиваясь. – Не
хочу, не хочу, это безумие, я ее люблю...»

Елена Николаевна что-то мягко и тихо говорила ему, ка-
жется, приглашала его поскорее прийти опять. Неволин вы-
шел на светлую, прохладную улицу. Ему стало легче, свежее,
страх исчез или притаился, и он уже улыбался, вспоминая
про «наваждение». Был час вечерен. Долгие, свежие звоны
церквей неслись отовсюду, наполняли улицы и небо яркими
голосами. Кругом было чисто и просторно. Колокола твер-
дили «а, да, да...», всегда только «да...». И Неволину каза-
лось, что все вокруг такое правдивое, ясное и простое.

II

В далеком заброшенном монастыре, в крепкой, сырой башне, сидел монах, закованный в тяжелые вериги. Перед ним лежала раскрытая черная книга с золотыми заставками, и он читал:

«И когда создал Бог Адама по образу и по подобию своему, то позвал к себе Авадонну, лучшего из ангелов своих, и сказал ему: „Нехорошо быть человеку одному; но создадим подобную ему женщину, чтобы были они мужем и женою и чтобы рождали детей; пусть не прекратится до века племя человеческое, дабы всегда кто-нибудь созерцал великолепие мира и славил Творца его. И велю Я тебе, верный слуга мой и ангел, пойдя, и изготовь из чистой материи тело для жены, чтобы во всем было оно подобно мужнину, но красотой превосходило его, и изготовь из звездных лучей душу для жены, и чтобы во всем была она подобна мужчиной, но красою превосходила его, и, сделав, принеси Мне, чтобы оживил Я их духом Уст Моих“.

И услышал ангел Божий, и помыслил в сердце своем: „Доколе, о Господи, буду терпеть я от Тебя? Разве не во всем служил я Тебе лучше других ангелов Твоих, разве не во всем был я десницей Твоей? Ныне же хочешь Себе вечной хвалы от созданий Своих, а мне ничего. Нет больше терпения моего! Я преступлю Твой закон, но за то будет и мне хвала не

меньше Твоей!“ Так сказал он и, взяв прекрасное тело из чистой материи, влил в него часть желчи своей и, приготовив душу из лучей звездных, примешал к ней нечистую мысль свою и, так сделав, принес Господу Веков и сказал: „Что приказал Ты мне, исполнил я“.

Тогда принял Бог тело и душу жены мужчиной и вдохнул в них дыхание жизни, бессмертный дух Свой, и дал имя ей: „Лилит“, и сказал: „Да будут Адам и Лилит мужем и женою. И которые родятся от них младенцы мужского пола, пусть будут они во всем, как отец их Адам, и так все мужское потомство их, а которые родятся от них младенцы женского пола, пусть будут во всем как мать их Лилит, и так все женское потомство их“. И когда проснулся Адам, то увидел рядом с собою Лилит, прекраснее которой ничего не было на свете, и восхвалил он за то Господа своего; и были Адам и Лилит мужем и женою, и родились от них через год две дочери, во всем подобные матери их Лилит; и как только родились они, то сложили молитву Авадонне.

Но архангел Гавриил пролетал мимо и услышал молитву их к развратившемуся ангелу, и сказал о том Господу. И увидел Господь весь обман Авадонны и исключил его из числа ангелов Своих, и проклял вечною клятвой, и отнял светлое сияние от чела его. И взял Бог Лилит у Адама и отделил бессмертное тело ее от души и бросил его в бездну, чтобы носилось оно там вечно, с его страшной красотой и грехом; бессмертную же душу вложил он в кошку, животное нечистое,

живущее на суше в холодных и теплых странах, и поселилась с того дня душа Лилит в племени кошек...»

III

Опять та же длинная-длинная лестница. На этот раз не страх, но ужас давил душу Неволина. Он помнил «наваждение». Все прошло, – но если опять, когда он увидит Елену, ему покажется, что она – не она, не – человек?

«Только бы этой твари там не было, у нее в ногах, – думал он с глупой, беспомощной злобой. – И придет же такое в голову! Я люблю Елену, как она есть, не красоту ее и не душу, а *ее*, а где любовь – там правда. И я прав. Если она не любит – это мое несчастье, но все-таки я прав, и она права. Но я должен знать, я ее спрошу...»

Елена Николаевна совсем оправилась. Она собиралась выехать и была в длинном узком черном платье, блестящем и переливающимся на солнце. Ведь комната была та же, тот же час, значит, и солнце то же.

Она стояла у стола, когда вошел Неволин. Лоло он не заметил, но, только что Елена Николаевна обернулась к нему и длинное платье ее, как черный хвост, бесшумно скользнуло по ковру – он понял, что то «наваждение» – неустранимо, что он бессилен; да, она – кошка. Она – зверь. Но ведь он любит, любит! Бежать от звериных глаз? Нет. Нельзя. Ему надо подойти ближе, любовь приказывает, ближе заглянуть в эти глаза, увидеть в них человеческое, ясное, свежее, простое, – ему нужно.

– Елена Николаевна, – начал он стремительно, боясь остановиться на полуслове, – выслушайте меня, скажите мне, милая, ради Бога...

Он говорил долго, торопясь, требуя, опять умоляя, говорил, что ему «нужно» знать, она не может, не должна...

Он подошел ближе, взял ее за руки, продолжая говорить что-то, шептать, перебивая себя. Любовь, только любовь, ясная и простая, говорила за него. Не думая ни о чем, почти не заметив как, – он обнял ее, крепко и нежно, целовал милое лицо – и вдруг, поняв, что она – не сопротивляется, почувствовал в сердце острый укол счастья. Любит! Значит – любит!

– Милая! Ты любишь? О, зачем ты так долго... Любишь? Да? Да?

Но гибкое нежное тело вдруг выскользнуло как-то непонятно из его объятий, черное платье быстро проволочлось по ковру, Елена Николаевна стояла далеко, вся в солнечном луче, и щурясь, гневно и томно смотрела на Неволлина.

– Люблю? Кто вам сказал? Что это такое? Как вы смели? Слышите, как вы смели?

Брови ее хмурились, а светлые глаза щурились и солнечные искры дрожали в них улыбками. Круглое личико было сердито, но одна щека горела.

Неволин еще чувствовал это гибкое черное блестящее тело, лежавшее за секунду в его объятиях, томно-ленивое... Видел ее глаза, бессмысленные, не добрые и не злые, глаза

зверя... Солнце попало в них, и теперь они горят непонятными искрами. Она отошла, ушла – и что-то говорит ему. Не все ли равно – что? Как «он смел...» Да, он не должен был сметь. Он – человек, и любить сердце его может только человека. А она – зверь. Пушистый, мягкий, неразгаданный ласковый зверек с черным хвостом.

Как он мог спрашивать «любить ли?» Кого он спрашивал? Разве она понимает слова? «Оне» умеют только ласкаться и царапаться. А там, в глубине прищуренных глаз – навеки скрытая от людей тайна.

Огненный ужас облил Неволина, как будто, заглянув в эти глаза, – он заглянул в тайну зверя.

Длинная лестница... Длинные улицы... Но звонов нет. Верно, отошли вечерни. «Господи! Простишь ли Ты мне? – думал Неволин. – И где же Ты? Где Твоя правда, Твоя, посланная людям, достойная людей, нужная людям?»

IV

«И тогда навел Бог сон глубокий на Адама и, пока спал он, вынул из груди его ребро и сделал тело другой жены для него и взял часть дыхания его, и сделал душу для жены, и соединил их, и оживил их дыханием жизни, духом Уст Своих, и дал имя ей „Ева“ и сказал: „Да будут Адам и Ева мужем и женою, и да не будет у них и у всего потомства их иной веры, как в Меня, и иной надежды, как на Меня“.

И когда проснулся Адам, то увидел Еву рядом с собою, и восхвалил за то Господа, своего, и были они с Евой мужем и женою, и родились от них через год два сына, во всем подобные отцу их Адаму; и как только родились они, сложили молитву Господу. И много было еще сыновей у Адама и Евы, но не было у них дочери. И должны были сыновья взять себе в жены дочерей Лилитиных, и так пошло от них племя человеческое: мужчины во всем подобные праотцу их Адаму, а женщины, – во всем подобные праматери их, нечистой, прекрасной Лилит».

Остановился монах: на худом лице его – следы кровавых слез; далекие мысли бродят по его челу. Одна лишь страница остается – и будет дочитана большая черная книга с золотыми заставками, но не хочет он перевернуть ее, и не перевернет никогда. Душа его горела мукой, и точно сладость ему она.

Но вот, вдалеке еще, слышалось веяние, зыбкое и трепетное, далекое, точно нежное пение. И старик стал тревожно и важно прислушиваться. Все ближе и ближе странный шум, все явственнее слышен он, и, наконец, донесся до башни. Монах вскочил, гремя цепями, но вскрикнул и упал снова. А чрез разверзшуюся стену в башню вливалось тихое сияние, постепенно наполняя все.

Тогда разорвались великие цепи, и упал монах мертвый на землю. А святое сияние зажгло книгу, и воздух, и всю башню, и весь заброшенный монастырь, и когда развеяло пепел от них, вознеслось вверх, откуда пришло.